

Сочинительница из Одессы

Черное море – теплое. Зимой не замерзает. Только очень редко, в самую холодную зиму, образуется лед у берега. И то ненадолго.

Нина Гернет (1899-1982) родилась и все детство провела в Одессе, и до двенадцати лет не видела замерзшего моря. А на тринадцатую зиму ударил такой мороз, что море замерзло.

"Как это? – удивилась Нина. – Наверное, стоят волны ледяные, на них залезать можно и съезжать, как с горки".

Это она написала потом, в рассказе. Может быть, тогда она так и не думала, а сочинила, когда писала рассказ!

Нина Гернет всегда отличалась богатой фантазией. В детстве любила по вечерам рассказывать соседским ребятам сказки, которые сочиняла тут же, на ходу, и старалась, чтобы было пострашнее. До того, что слушатели начинали визжать от страха.

В Одессе было гимнастическое общество "Сокол", по примеру чешского "Сокола" – по той же методике и с оригинальной терминологией. Участники должны были называть друг друга "братья" и "сестры". И в произведениях той поры (1916-1922 гг.) широко использованы сокольские темы и терминология.

И потом всю жизнь сочиняла. Стихи, пьесы, рассказы. Многие ее рассказы и повести печатались в разных журналах, а также издавались отдельными книгами.

Особенно прославилась Нина Гернет своими пьесами-сказками для театра кукол. Ее пьесы до сих пор идут во всем мире. Это "Волшебная лампа Аладдина", "Царевна-лягушка", "Русалочка", "Принтипрам", "Пятак и Пятачок", "Полянка", "Гусенок" и много других.

В 30-е годы Нина Гернет заведовала редакцией детского журнала "Чиж". Замечательный был журнал! И для этого журнала она однажды написала рассказ "Пешком по морю" – о том, как в детстве ходила по замерзшему морю.

Почти в каждом номере "Чижа" печатались приключения девочки Маши, которая все время попадала в какие-то трудные положения и всегда из них выпутывалась очень остроумно и забавно. Ее так и прозвали – "Умная Маша". Детям очень понравилась Умная Маша, и они даже писали ей письма, рассказывали о своих радостях и заботах и спрашивали совета. Но вот беда: читатели-то были дошкольники и младшие школьники, которые еще не все умели писать как следует. Тем более – письмо в редакцию. А потом надо ждать два-три месяца, пока в "Чиже" напечатают ответ. За это время забудешь, о чем спрашивал.

И вот Нина Гернет придумала: разрешить детям звонить в редакцию по телефону – в определенный час, с 11 до 12-ти часов. Телефон всегда в редакции загружен, очень много переговоров. Но на это время все деловые разговоры прекращались: "Извините, звоните, пожалуйста, после 12-ти часов, сейчас читатели "Чижа" разговаривают со своим журна-

лом, с Умной Машей". Вся редакция была наготове, чтобы находить ответы на самые неожиданные, иногда очень трудные вопросы:

"Где водятся крокодилы?", "Каракатица — это зверь или рыба? Она кусается?", "У нас есть скворец в живом уголке, можно научить его говорить?", "Как кричит еж?", "Я придумала игрушку. Пусть такую сделают!", "Мы с Изей поспорили. Кто из нас прав?"

Хорошо известное ныне стихотворение Хармса "Из дома вышел человек" было написано, конечно же, без всякой задней мысли. Впервые оно было напечатано в мартовском номере "Чижа" за 1937 год. Нина Гернет вспоминала:

"Детям стихи принесли много радости, а автору (и редакции) — большие неприятности. Кто-то из начальства увидел строки:

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

И начальство вдруг возмутилось: "В советской стране человек исчезнуть не может!" (напомним, год был 37-й. — Э. Г.). И нам долго нельзя было печатать стихов, подписанных Д.И. Хармсом".

Нина Владимировна умолчала, что не только исчезло имя Хармса из журнала, но с той поры исчезла вся редакция "Чижа", и сама она была снята с заведования редакцией — следующий номер был подписан другими именами... Вместе с тем исчез и дух веселого творчества.

Но связи с "Чижом" не прервались: нельзя же оставить детей совсем без веселых выдумок! Особенно ее любимых малышей. И вот в подцензурном, верноподданном "Чиже" появляется крохотное, незаметное добавление — "Красная Шапочка".

Читатель "Чижа" должен был вынуть средние листы, сложить вчетверо, разрезать ишить листки — и получал маленький журнальчик в 16 страничек, сделанный своими руками. А в нем были картинки для разглядывания, задачи, загадки, стихи, задания на сочинение рассказов по картинке, — словом, с этим журнальчиком еще надо было работать, а не просто читать.

Этот вкладной листок для самых маленьких был тогда — с 1938 по 1941 год — истинным наследником прежнего блестящего "Чижа". Именно эта, полуподпольная редакция дала возможность собраться вместе уцелевшим выдумщикам и изобретателям. Здесь они отводили душу. Тут (и, очевидно, только тут) между ними опять возникала былая творческая атмосфера — вещь неосозаемая, неопределимая, но совершенно необходимая для совместного творчества настоящих мастеров.

И в этой "Красной Шапочке" Нина Гернет тоже была главной заводилой, выдумщицей.

Уже после переезда в Ленинград, в 1930-е годы, ею были написаны лучшие одесские рассказы: уже упомянутый "Пешком по морю", "Неизвестная в белом", "Силуэты про-

шлого (Одесса, 1918 год)", "20-й год, Одесса" (о знаменитом одесском "Коллективе поэтов", в котором она также участвовала), и автобиографическая повесть "Дети с Княжеской" — ибо на Княжеской улице в доме 12 прошли ее детство и юность.

К столетию писательницы в одесской газете "Слово" был напечатан очерк В. Нертебского "Дети с Княжеской и другие". А в 2009 году — к 110-летию — о замечательной одесситке вспоминает альманах "Дерибасовская — Ришельевская".

Эрик ГЕРНЕТ*

Нина ГЕРНЕТ

Неизвестная в белом

В ставнях длинная щель. Перерезана пополам железной задвижкой. А снаружи напирает солнце, хочет разорвать ставни, хлынуть в комнату, залить ее до потолка! Но задвижка держит. Солнце только просачивается в щель, льется с высоты на пол светлой струей. Как сумасшедшие, толкутся в золотом потоке мельчайшие козявки. Знают, что их теперь видно, — радуются, крутятся, выкомаривают — себя не помнят.

Нинка обводит комнату еще сонным взглядом. Все знакомое. Все, как всегда.

Птицы уже орут, как недорезанные. Такие маленькие существа, а крик ужасный.

Нинка схватила платье — и ахнула. На боку — пятно. Огромное помидорное пятно. Ну, конечно, Вовка оставил недоеденный помидор на табуретке. А Нинка не заметила, бросила платье. Попадет от мамы.

Мама все разрешает — всюду лазить, играть с мальчишками, даже возиться в глине — но только в платье, которое не жалко. А вчера платье "не жалко" прямо с порога было отобрано и брошено в стирку. И выдано вот это, белое: "Можешь ты хотя бы один день походить в цивильном и не замазюкать?" — спросила мама. Нинка пообещала. И вот тебе на!

Она сокрушенно щелкнула языком. Накинула платье, посмотрела. Э, чепуха, если прижать локтем — почти не видно.

Жучка негромко гавкает под самым окном. Нинка распахнула ставни. Воздух, холодный, душистый, ворвался в комнату. Нинка вылезла в окно.

Завизжала в истерике Жучка, кидаясь на Нинку. Каждое утро сходит с ума от радости. Она уже поднадоела Нинке своими истериками, но оби-

* Автор статьи — Эрик Михайлович Гернет, сын писательницы Нины Гернет.